

The book cover features a vibrant, comic-style illustration. In the foreground, a young man with brown hair and a purple tunic (Roy) holds a bow. A young woman with dark hair in a bun and a white tunic (Vivian) stands next to him, her hand on his shoulder. To the left, a man in a purple robe with gold trim stands with his arms crossed. To the right, a knight in full plate armor with a red octopus-like tentacle helmet stands. In the background, a large green dragon with a blue bow on its head looks down. A winged, ethereal figure floats in the sky. The scene is set against a sunset sky with a large sun and a small house in the distance.

Хроники несостоявшихся подвигов: Бюро Магических Ошибок

Рой и
Вивиан Шарп

18+

Рой Шарп

Хроники несостоявшихся подвигов: Бюро Магических Ошибок

<https://litres.ru/74118848>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в Бюро магических ошибок.

Это место, где помогают тем, у кого магия работает не так, как надо. Где чинят заклинания, мирят взбесившиеся артефакты и возвращают надежду тем, кто уже отчаялся.

Команда «Бюро» — самые обычные и одновременно самые необычные люди (и не только): пекарь, который лучше всех стреляет из лука; девушка, сумевшая вернуться с того света; маг, потерявший свою силу; дракон, который считает себя великим психологом. У них нет грандиозных планов по спасению мира, зато есть желание помогать другим.

Но в мире, где магия — это хаос, а порядок оказывается иллюзией, даже самый простой день может обернуться приключением. И иногда, чтобы изменить свою жизнь, достаточно просто решиться на турнир. Даже если у тебя ничего не получается.

Рой и Вивиан Шарп

Хроники несостоявшихся подвигов: Бюро Магических Ошибок

Пролог

«Кабинет Ардема», являющийся на самом деле обычным амбаром, напоминал что-то среднее между логовом мудрого дракона (каковым он себя, видимо, считал) и комнатой для допросов. На стене висел диплом с надписью «Ардем Великолепный. Сертифицированный специалист по душевным бурям и прочей человеческой ерунде», который он, судя по кляксе в углу, нарисовал сам.

Томлин лежал на стог сена, подложив под голову мешок с мукой, и скептически разглядывал потолок.

— Итак, — Ардем важно поправил очки, которые тут же сползли на кончик носа. — Давай вернёмся к твоему детству. Отец ушёл за хлебом и... не вернулся?

— Ну да, — Томлин вздохнул. — Обычное утро. «Сынок,

выйду на минутку», — сказал он. — И вот уже двадцать лет эта «минутка» длится.

— Хм-м... — Ардем постучал когтем по столу. — А ты не думал, что твоя карьера пекаря — это попытка заполнить хлебную пустоту в душе?

— Что?

— Очевидно же! Ты печёшь хлеб, потому что подсознательно надеешься, что однажды твой отец зайдёт в твою лавку, купит булку и наконец-то вернётся домой!

— ...Или потому что мне нравится печь хлеб?

— Слишком просто, — дракон презрительно фыркнул. — В психологии ничего не бывает «просто». Вот, например, почему ты всегда делаешь именно двенадцать булочек в подносе?

— Потому что в печь влезает двенадцать булочек.

— Ага! А если копнуть глубже? Может, это подсознательное желание воссоздать полную семью — двенадцать булочек, как двенадцать членов семьи, которых у тебя никогда не было!

Томлин приподнялся на локте.

— Ардем, у меня была абсолютно нормальная семья. Кроме того момента, когда папа исчез.

— О-о-о, отрицание! Классика! — дракон торжествующе указал на него. — Ты даже не осознаёшь глубину своей травмы!

— Я осознаю, что ты неделю назад прочитал «Основы психологии для чайников» и теперь всем ставишь диагнозы. Вчера ты сказал Фансу, что он коллекционирует мечи из-за «неразрешённого коллекционерского снобизма».

— И что?

— Он аристократ, Ардем.

Дракон задумался.

— ...Всё равно в этом что-то есть.

Томлин снова плюхнулся на стог.

— Ладно. Сколько ещё мне тут лежать?

— Пока не осознаешь, что твоя одержимость дрожжевым тестом — это крик о помощи.

— Может, лучше пойдём поищем Морвен?

— Бегство от проблем! Ещё один симптом!

Томлин закрыл лицо мешком с мукой.

«Где-то есть нормальные друзья, — подумал он. — Наверное».

Глава 1

Кухня особняка была залита мягким утренним светом, пробивавшимся сквозь витражное окно с изображением алхимического символа — подарок предыдущего владельца, который теперь отбрасывал на пол разноцветные блики. Воздух пах свежемолотым кофе, подгоревшими тостами и чем-то неуловимо волшебным — возможно, последствиями вчерашних экспериментов, а может, просто старой древесиной шкафов.

Томлин стоял у массивной чугунной плиты, закатав рукава своей новой шелковой рубахи — подарок Фанса «для со-

лидности». Ткань сливового оттенка уже успела покрыться пятнами: здесь мучной отпечаток пальцев, там капля варенья, а на локте — загадочное синее пятно, оставшееся после вчерашней попытки разобраться с «саморазогревающимся» чайником. Он месил тесто, старательно избегая взгляда на поваренную книгу, лежащую на подставке — та периодически перелистывала страницы сама, будто подсказывая рецепт.

Морвен сидела на широком подоконнике, поджав под себя ноги. Она сменила своё вечное погребальное платье на просторную белую рубаху и узкие коричневые штаны — практично, удобно, и главное, настояще. Солнечный свет играл в её тёмных волосах, а пальцы, теперь тёплые и живые, лениво перебирали край рубахи. Взгляд её скользил по кухне, останавливаясь то на треснувшей чашке, то на полке, где среди обычных банок с приправами стояла склянка с ярко-розовой жидкостью, пузырившейся без всякой видимой причины.

— Ты опять забыл про соль, — сказала она, не глядя на него.

Томлин вздрогнул и посмотрел на тесто, будто ожидая, что оно само ему ответит.

— А вдруг это и к лучшему? — пробормотал он. — В прошлый раз, когда я добавил соль, булочки начали...

— Плясать. Да, помню.

— Они были неплохие, если не считать хореографии.

Морвен усмехнулась и потянулась к чашке с кофе. Напиток был тёплым, но не горячим — как и всё в этом доме, он подчинялся каким-то своим, странным законам. Она сделала глоток, сморщилась, но не стала жаловаться.

Томлин наблюдал за ней краем глаза. Её движения были такими лёгкими и непринуждёнными, будто она наконец-то перестала бороться с чем-то невидимым.

— Что? — она поймала его взгляд.

— Ничего. Просто... — он развёл руками, оставляя в воздухе мучной след. — Приятно. Вот так.

Морвен тепло улыбнулась. Молчание повисло между ними, тёплое и неловкое. За окном щебетали птицы, где-то капала вода, а плита тихо потрескивала, будто одобряя этот момент.

И тут чайник на плите вдруг засвистел первой строчкой из народной песни.

Морвен закатила глаза.

— Ладно, — вздохнул Томлин. — Хотя бы не матерные куплеты.

Амбар за особняком давно перестал быть просто хранилищем для сена. Теперь это было царство Ардема — если, конечно, можно назвать царством пространство, где половина вещей слегка обуглена, а в воздухе постоянно витает лёгкий запах дыма и мёда (последний — благодаря неудачному эксперименту с «огнеупорными» сотами).

Солнечные лучи пробивались сквозь щели между досками, рисуя на земляном полу золотистые полосы. В углу красовалась груда подушек, украденных Ардемом из дома дракон упорно называл это «гнездом», хотя больше напоминало кучу тряпья после урагана. Рядом стоял массивный деревянный сундук, на крышке которого красовалась надпись «Сокровища» (внутри лежали: один ржавый доспех, три разноцветных камня и сломанная кукла-клоун, которую Ардем почему-то считал «очень важной»).

Сам хозяин амбара растянулся на солнышке, подставив брюхо тёплым лучам. Его чешуя, обычно переливающаяся зелёными оттенками, сейчас казалась почти изумрудной. Один рог был украшен ярко-синим бантом — подарок Морвен, который он так и не решился снять (хотя и уверял, что «это совсем не потому, что нравится»).

Настроение у дракона было лениво-довольное. Он вальяжно перекачивался с боку на бок, изредка выпуская клубы дыма, которые тут же принимали причудливые формы — вот облачко похоже на Томлина, вот на курицу (Ардем часто думал о еде), а вот... что-то совершенно неопишное, вероятно, результат вчерашнего ужина.

Из дома донеслись голоса — Томлин что-то кричал, вероятно, снова ввязался в спор с летающей сковородкой. Ардем приоткрыл один глаз, фыркнул, но не стал вмешиваться. Сегодня был его день отдыха, и даже если весь особняк решит улететь, он не сдвинется с места.

Разве что... если позовут на обед.

Ардем сладко потянулся на своём сеннике, выпуская кольцо дыма, которое лениво поплыло к потолочной балке. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь щели амбара, мед-

ленно смещался по полу, пока не упёрся в старую медную кружку — одно из многочисленных «сокровищ» дракона. Где-то в доме хлопнула дверь, слышались шаги, но дракон лишь прикрыл глаза, наслаждаясь покоем. Пусть маленькие двуногие занимаются своими делами — у него был важный послеобеденный сон.

Тень от кружки удлинилась, солнечный зайчик перебрался на стену, а затем и вовсе исчез.

За тяжёлой дубовой дверью кабинета царила тишина, настолько плотная, что казалось, даже пылинки боялись нарушить её своим движением.

Фанс сидел за столом, заваленным бумагами, в луче света от единственной зажжённой свечи. Его фиолетовый халат с вышитыми звёздами был расстегнут на груди, а рукава закатаны до локтей. Пальцы, испачканные чернилами, осторожно перелистывали страницы потрепанного гроссбуха.

«Дарственное письмо от 17 числа месяца Журавля, 1123 год...» — бормотал он, водя указательным пальцем по пожелтевшему пергаменту.

На столе царил строгий порядок: слева — стопка документов с родовыми печатями, справа — чернильница и несколько заточенных перьев, прямо перед ним — открытая бутылка темного вина купленного на прошлой неделе у торговца с юга.

Вдруг его брови поползли вверх.

— Так вот куда делась та мельница... — Фанс хмыкнул, делая пометку на отдельном листе. Его взгляд скользнул к портрету на стене — суровый мужчина с усами, которые, казалось, вот-вот задрожат от негодования.

— Не смотри на меня так, прадед. Ты сам продал половину земель за пару бочонков эля, — проворчал Фанс, отхлебывая вина.

За окном зашумел ветер, шевеля листья в саду. Где-то вдалеке послышался смех — должно быть, Томлин и Морвен возвращались с прогулки. Фанс на мгновение отвлёкся, глядя, как их тени мелькают за занавеской, затем снова погрузился в документы.

В этом доме, где стены дышали магией, а чашки иногда убегали от мытья, он нашёл нечто редкое — простой человеческий момент, когда можно было быть просто Фансом, а не

Великим Магом, не Хранителем Тайн, а просто человеком, разбирающимся с наследием своего рода.

Столовая особняка утопала в теплом свете масляных ламп, отражавшихся в полированных дубовых панелях. Длинный обеденный стол, покрытый потёртой скатертью с вышитыми рунами, которые то и дело пытались перестраиваться в неприличные слова, ломился от яств: дымящийся мясной пирог с подрумяненной корочкой, миска картофельного пюре с масляными лужицами, глиняный кувшин с яблочным сидром.

Томлин, разливая сидр по кружкам, вдруг замер с кувшином в руке.

— А ведь за два месяца к нам не пришел ни один... клиент, — произнес он, поставив кувшин с легким стуком. — Мы же создали Бюро магических ошибок, да?

Морвен, размазывая пюре по тарелке вилкой, подняла глаза:

— Потому что никто не знает, что мы существуем.

— Как же так? — Ардем поднял голову от пирога, с которого капал соус. — Мы же повесили табличку!

— На внутреннюю сторону калитки, — сухо заметил Фанс, отрезая себе кусок пирога.

За окном зашуршали листья, будто смеясь над их нелепостью.

— Значит... надо заявить о себе, — Томлин постучал пальцами по столу.

— Турнир, — вдруг сказала Морвен. — Все повернулись к ней. Она улыбнулась, подперев подбородок ладонью. — Турнир неудачников.

— Гениально! — Ардем хлопнул хвостом по полу, отчего со стола подпрыгнула солонка. — Мы соберем всех, у кого магия работает... ну...

— Как у пьяного единорога, — закончил Фанс, но в его глазах вспыхнул интерес.

Томлин уже рисовал в воздухе пальцем:

— Будет конкурс заклинаний! Тот, чьё заклинание прова-

лится самым эпичным образом...

— Получает бесплатную помощь Бюро! — Морвен звонко стукнула кружкой по столу.

Ардем фыркнул дымом:

— А я буду судьей. У меня уже есть бант — выгляжу официально.

Фанс вздохнул, но уголки его губ дрогнули:

— Ладно. Но если кто-то превратит мой дом в гигантскую тыкву...

— Мы скажем, что так и задумано, — бодро ответил Томлин.

Сидр внезапно забулькал сам по себе, пуская пузыри, но никто не удивился.

Утро застало команду Бюро в просторной гостиной особняка, где царил привычный творческий хаос. Солнечные лучи пробивались сквозь пыльные витражи, рассыпая по полу разноцветные пятна. На большом дубовом столе, заваленном пергаменами, чернильницами и крошками от вчерашних пирогов, царил беспорядок: перья для письма валялись

вперемешку с обгрызенными карандашами, а клочки бумаги с неудачными эскизами летали по комнате при каждом сквозняке.

Томлин, сидя на подоконнике в своей любимой сливовой рубашке (теперь украшенной пятнами чернил и следами завтрака), размахивал листком пергамента.

— Нам нужен броский заголовок! — провозгласил он. — Что-то вроде: «Турнир для тех, у кого ничего не получается!»

Морвен, удобно устроившись в кресле с ногами, скривилась.

— Слишком честно. Лучше: «Великое соревнование магических... особенностей».

— «Особенностей»? — Фанс поднял бровь, откладывая в сторону перо. — Это как называть дракона «большой ящерицей».

Ардем, свернувшийся калачиком у камина, обиженно фыркнул дымом.

— Ладно, — Томлин почесал затылок. — Тогда просто:

«Турнир Неудачников! Призы! Пироги! Возможность посмеяться над собой!»

— Вот это уже лучше, — кивнула Морвен.

Фанс вздохнул и взял чистый лист:

— Хорошо. Пишем: «Внимание всем, у кого заклинания взрываются, мечи гнутся, а стрелы летят не туда! Бюро магических ошибок приглашает на первый в истории Турнир Неудачников!»

— Добавь про соревнования на вениках, — подсказал Томлин.

— И про стрельбу из лука с сюрпризами, — добавила Морвен.

— И про то, что главный приз — год без последствий их же магии, — пробурчал Ардем. — И два пирога.

Фанс исписал весь лист крупными буквами, затем откинулся на спинку стула:

— Теперь нужно это размножить.

— Я могу написать ещё несколько экземпляров, — предложил Томлин.

— Или... — Морвен ухмыльнулась и достала из кармана небольшой камень с выгравированным знаком. — Печатный камень. Нашла в кладовке.

— Ты уверена, что он работает? — настороженно спросил Фанс.

— Абсолютно нет.

Камень зашипел, выпустив облачко сизого дыма, и из-под него выскользнула готовая листовка — чуть кривоватая, но читаемая.

— Идеально! — Томлин схватил её. — Теперь нужно разбросать их по городу.

Гостиная особняка превратилась в штаб подготовки к турниру. На широком дубовом столе, заваленном пергаментами, красовались десятки вариантов листовок — одни были аккуратно написаны от руки Томлином, другие криво отпечатаны магическим камнем, а третьи... третьи выглядели так, будто их создал пьяный гоблин. На одной даже вместо «Турнир» красовалось «Турниррррр», причём последняя

буква расползлась по краю листа, как испуганная гусеница.

Морвен, склонившись над столом, старательно выводила:

«Призы! Смех! Возможность не быть осмеянным (слишком сильно)!»

— Может, добавить про бесплатное угощение? — спросил Томлин, размазывая кляксу на своём варианте.

— Если упомянуть еду, придут только тролли, — заметил Фанс, разбирая грудку перьев. — И Ардем.

Дракон, свернувшийся клубком у камина, поднял голову:

— Я обиделся. Но за вкусняшки я приду.

— Кстати, о тебе... — Морвен отложила перо. — Нам нужен транспорт для листовок.

Ардем насторожился:

— Нет.

— Ты даже не знаешь, о чём я...

— Нет.

— Это будет всего один полёт над городом...

— Нет.

— С пирогом после.

Дракон задумался.

— ...С двумя пирогами.

— Три, — торговался Ардем.

— Два с половиной, и это моё последнее слово. — сказала Морвен тоном не терпящим возражений.

Ардем фыркнул, выпустив дымное колечко, которое превратилось в подобие вопросительного знака.

— Ладно. Но если кто-то назовёт меня «летающей лошастью», я имею право его слегка поджарить.

Тем временем Фанс копался в старом сундуке у стены, извлекая оттуда странные предметы: ленту с вышитыми рунами (которая тут же попыталась задушить его), колокольчик

(звонящий только на луну) и...

— Ага! — Он торжествующе поднял небольшой чёрный камень с красной меткой. — ОБОЗ-камень.

— О чём это ты? — Томлин отвлёкся от листовки, на которой у него случайно получился портрет Ардема с рогами в бантиках.

— Общий Базар Отдалённых Земель, — объяснил Фанс, потирая камень. — Там можно заказать всё, что угодно, если у тебя есть магия... или очень громкий голос.

Он постучал по камню, и тот замигал красным светом.

— Мне нужны флаги, шатры и... э-э... что там ещё для турнира?

— Гирлянды! — предложил Томлин.

— Подушки для зрителей! — добавила Морвен.

— Ещё пироги! — не унимался Ардем.

Фанс вздохнул и начал диктовать в камень. Через мгновение из ниоткуда появилась огромная чёрная ворона, схвати-

ла камень в лапы и улетела в окно, оставив после себя лишь несколько перьев и чувство лёгкого недоумения.

— Заказ принят, — констатировал Фанс. — Теперь осталось только дожждаться...

— Чего?

— Чего-нибудь. На ОБОЗе никогда не знаешь, что именно привезут.

На кухне особняка было тепло и пахло свежим хлебом — Томлин только что достал из печи очередную партию, и она остывала на решётке, издавая тот самый запах, который делал этот дом домом. Команда сидела за столом, и перед ними лежала карта окрестностей Малета — старая, потрёпанная, с пометками, сделанными разными почерками.

Томлин водил пальцем по карте, останавливаясь на центральной площади города, которая была отмечена кружком.

— А давайте прямо в городе, — предложил он. — На центральной площади. Там много места, все увидят, народу будет — не протолкнуться.

Он поднял глаза, явно воодушевлённый идеей.

— Представляете, как здорово? Посередине города, все смотрят, мы объявляем турнир, и сразу все приходят.

Фанс, сидевший напротив с чашкой чая, даже не поднял глаз.

— Чтобы мы отвечали за магические взрывы среди жилых домов? — переспросил он. Голос его был ровным, но в нём слышалась та особенная ирония, которую он приберегал для особенно глупых идей. — Томлин, ты видел, что случилось в прошлый раз, когда я попытался починить забор? Три дня соседи жаловались на розовых лягушек.

— Это были не лягушки, — возразил Томлин. — Это были жабы. И они были не розовые, а лиловые.

— Они квакали на мотив "Оды к радости", — сказал Фанс. — Я не хочу, чтобы моё имя ассоциировалось с хорошим кваканьем на центральной площади.

Морвен, сидевшая у окна, оторвалась от разглядывания облаков и взяла карту. Она пробежала пальцем по окраинам Малета, остановилась на одной из пометок.

— А вот здесь? — сказала она, показывая на поляну, об-

ведённую пунктиром. — Сразу за городом, у старой дороги. Место ровное, рядом лес и ручей. Недалеко от города, но и не в центре. Есть, где развернуться.

Ардем, лежащий у двери, приподнял голову. Он, как обычно, не помещался в кухне целиком, но ему удалось протиснуть голову в проём и наблюдать за происходящим.

— Главное, чтобы был простор для посадки, — сказал он. — И чтобы там не было слишком много деревьев. Я не хочу снова запутываться в кронах.

— Ты ни разу не запутывался в кронах, — сказала Морвен.

— В этот раз мог бы, — ответил Ардем с достоинством. — Я предпочитаю быть готовым.

Фанс вздохнул и поставил чашку на стол.

— Поляна у Малета, — сказал он. — Звучит разумно. Туда можно добраться и пешком, и на драконе. Есть вода. Место достаточно большое. — Он посмотрел на Томлина. — Ты как?

Томлин ещё раз взглянул на карту, потом на Фанса, потом

на Морвен. Кивнул.

— Да. Там и сделаем.

Обсуждение прервал стук в дверь — настойчивый, громкий, с явным нетерпением.

Томлин вытер руки о фартук и пошёл открывать. На пороге стоял запыхавшийся гном в форменной куртке ОБОЗ. За его спиной высилась гора ящиков, коробок и каких-то свёртков, а рядом нервно перебирал копытами кариопс, запряжённый в грузовую повозку.

— Заказ для господина Фанса! — объявил гном, протягивая свиток. — Два шатра, разборные. Одна бочка с фестивальными лентами. Сто флажков. Пятьдесят бумажных колпаков. Двадцать трещоток. Три мешка конфетти. Один... — он заглянул в свиток и с подозрением прищурился, — ...говорящий бубен? Прилагается отдельная инструкция.

Фанс вышел из гостиной, окинул взглядом гору коробок и довольно кивнул.

— Говорящий бубен заказывала Морвен. Он будет петь народные баллады. Поговаривают, у него идеальный слух.

Гном с сомнением посмотрел на один из ящиков, откуда доносилось глухое пение, и поспешно отступил.

— Распишитесь вот здесь. И, э-э-э... если этот бубен начнёт петь что-то неприличное, мы не несём ответственности. Он самостоятельно обучается.

Томлин, хмыкнув, помогал разгружать повозку, складывая ящики у крыльца. Ардем, который с трудом втиснулся в дверной проём, с любопытством рассматривал коробку с надписью «ОСТОРОЖНО! МАГИЧЕСКИЙ РЕКВИЗИТ!»

— А что там? — спросил он, ткнув коробку носом.

— Не знаю, — честно ответил Томлин, читая этикетку. — Но там написано «Для праздничного настроения. Хранить вдали от воды».

— А от драконов? — уточнил Ардем с подозрением.

— О драконах не упоминается.

— Значит, можно.

Когда всё было распаковано, Фанс достал из саквояжа тяжёлую стопку листовок. Они были ещё тёплыми — Томлин

помогал с чернилами, а Морвен нарисовала какой-то замысловатый узор по краям. В центре было написано крупными буквами:

«ТУРНИР НЕУДАЧНИКОВ!

Лучшее магическое фиаско — приз зрительских симпатий!

Поляна у Малета. В полдень.

Бюро магических ошибок приглашает всех!»

Фанс протянул пачку Томлину.

— Летите. Разбросайте над городом. Чем хаотичнее, тем лучше. Пусть прилипают к стенам, падают в супы, залетают в открытые окна. Это должно быть заметно.

— А ты? — спросила Морвен.

— Я еду на поляну. Нужно проверить место, поставить шатры, организовать пространство. — Он взглянул на гору ящиков у крыльца. — И забрать всё это.

Томлин, Морвен и Ардем взлетели над особняком, держа курс на Малет. Фанс остался на земле, махнул им на прощание и начал грузить ящики в повозку, которую предусмотрительно одолжил у соседнего фермера.

Над Малетом было тихо и солнечно. Город просыпался — где-то открывали ставни, где-то слышался лай собак, где-то петух, который явно перепутал время, уже кричал второй раз за утро.

— Кидаем! — крикнул Томлин, и они начали разбрасывать листовки.

Они кружились, падали на улицы, прилипали к стенам, ветер разносил их по всему городу. Ардем сделал несколько эффектных кругов над площадью — для зрелищности. Снизу махали дети, показывали пальцами, кто-то ругался, что с неба падает мусор, но большинство всё же поднимали бумажки и читали.

— Кажется, мы привлекли внимание, — заметила Морвен, глядя вниз.

— Именно это и нужно, — ответил Томлин.

Ардем заложил плавный круг и начал снижаться. Поляна у Малета оказалась именно такой, как описывала Морвен — ровной, просторной, с ручьём на краю, который весело журчал, перекатываясь через камешки. Воздух здесь был свежим, влажным после ночного дождя, пахло травой и чем-то

лесным.

Когда они коснулись земли, Фанс уже был там. Повозка стояла на краю поляны, ящики были аккуратно сложены, а в центре уже начинал надуваться шатёр — Фанс явно использовал какой-то артефакт, чтобы ускорить процесс.

— Неплохо, — сказал он, отряхивая руки, когда они подошли. — Вы разбросали листовки, я разгрузил повозку. Продуктивно.

— А ты... быстро доехал, — заметил Томлин с лёгким удивлением.

Фанс усмехнулся и похлопал по боку кариопса, который всё ещё стоял у повозки, фыркая и перебирая копытами.

— Старина Бочонок — лучший тягловый зверь в округе.

Кариопс важно фыркнул, будто подтверждая слова Фанса, и отвернулся, демонстративно начиная жевать траву.

Морвен оглянулась на повозку. Ящики были аккуратно сложены, на одном из них виднелась надпись «ОСТОРОЖНО! МАГИЧЕСКИЙ РЕКВИЗИТ!», а снизу доносилось приглушённое пение — похоже, говорящий бубен уже

вовсю репетировал народные баллады.

Томлин оглянулся, оценивая место. Поляна уже начинала превращаться в нечто другое — шатёр надувался, бочки с лентами и флажками стояли в ряд, а у ручья уже колыхалась большая ткань, которую, видимо, собирались использовать как навес.

— Здесь будет арена, — сказал он, показывая на центр поляны. — А там, — он указал на ручей, — можно поставить бочки с водой.

— Уже, — сказала Морвен, показывая на две бочки, которые Фанс уже прикатил к ручью.

Фанс вытащил из повозки очередной ящик, поставил его рядом с остальными и окинул взглядом предстоящий фронт работ.

— До полудня осталось часа четыре. — Он посмотрел на Ардема. — Ты как, готов помочь?

Дракон, который уже начал с любопытством обнюхивать коробку с надписью «Для праздничного настроения», поднял голову.

— Если это не связано с поднятием тяжестей, я за. — Он покосился на коробку.

— Это конфетти, — сказал Фанс. — Магическое. Зачарованное.

— Оно стреляет?

— Только в очень хорошем настроении.

Ардем задумался, потом решительно кивнул.

— Тогда я за.

Началась активная подготовка.

Воздух был всё ещё свеж после ночного дождя, а под ногами мягко хрустела влажная трава, усеянная одуванчиками. Один особенно упрямый цветок рос прямо посередине будущей арены, демонстративно расправив лепестки, будто заявляя права на это место.

Фанс, с закатанными по локоть рукавами своего выцветшего фиолетового халата, возился с главным шатром. Полотно то и дело выскальзывало из его рук, складываясь в причудливые формы.

— Обычная ткань не должна ворчать, — пробормотал он, когда из глубины раздалось недовольное урчание.

Томлин, тем временем, с энтузиазмом расставлял импровизированные трибуны — перевёрнутые бочки и ящики изпод мёда, которые Ардем аккуратно (насколько это возможно для дракона) поставил рядом с Томлином. Одна из бочек неожиданно чихнула, обдав Томлина остатками медовухи.

— Это не недостаток, а особенность! — бодро заявил он, вытирая лицо.

Морвен, скрестив руки на груди, наблюдала за их стараниями. Её новый кожаный жилет уже покрылся пылью, а в тёмных волосах запутались листья — следствие недавней схватки с особенно строптивой гирляндой. Эти украшения вели себя как подвыпившие феи — то переплетались в неприличные узлы, то внезапно вспыхивали синим светом, когда их пытались закрепить.

Центральным элементом стала сама арена. Томлин старательно очерчивал границы мелом, но тот оказался с характером — линии то исчезали, то сползали в сторону, то складывались в загадочные руны.

— Это символично, — заметил Фанс, наблюдая за получившейся «картофелиной» вместо ровного круга.

— Это криво, — парировала с плохо скрываемым смехом Морвен, но поправлять не стала.

Особое внимание уделили призовой лавке. Дубовый стол украсили венком (который сразу попытался укусить Томлина), табличкой с подтёртой надписью и собственно призами — среди которых выделялся кинжал, явно стыдившийся своего тупого лезвия.

Когда основные приготовления завершились, Морвен неожиданно достала тот самый одуванчик-талисман и установила его у входа. Растение оскалилось, но место не покинуло.

— Теперь готово, — сказала она, оглядывая поле, где шатёр подмигивал углом, бочки чихали, а линии арены медленно ползли в сторону леса.

— Совершенно точно, — согласился Томлин, взяв руку Морвен в свою и уже предвкушая хаос, который начнётся с приходом сюда первых участников.

Глава 2

Длинные тени от шатров уже сливались с землёй, когда золотистые лучи заходящего солнца осветили необычное зрелище. Поляна, ещё час назад пустовавшая, теперь кишела народом, привлечённым обещанием самого необычного турнира в округе. На каждом столбе и дереве красовались яркие листовки: «Бюро магических ошибок приглашает! Испорченное заклинание? Неудачное колдовство? Мы поможем... или хотя бы посмеёмся вместе с вами!»

В восточной части поля, где расположился конкурс стрелков «Мимо — не промах», собралась особенно шумная толпа. Мишени здесь были не простые — одна изображала сердитого гнома, который ругался при каждом попадании: «Эй, это мой любимый глаз!» Другая, в виде летящего гуся, уворачивалась от стрел с удивительной ловкостью. Лучники выбирали оружие из странной коллекции: один лук при выстреле громко кричал «Банзай!», другой заставлял стрелы лететь зигзагами, а третий, самый обычный на вид, упорно стрелял назад.

— Не волнуйтесь, в нашем Бюро мы видели и не такое! — крикнул Томлин, вытирая пот со лба и едва увернувшись, когда очередная стрела врезалась в столб с листовкой вместо мишени.

Центр поля занимала рыцарская арена, где уже выстроились желающие сразиться на копьях. Доспехи, хоть и настоящие, вели себя странно — один шлем постоянно съезжал набок, другой неожиданно захлопывался в самый неподходящий момент. Копья, казалось, жили своей жизнью; одно из них упорно пыталось уклониться от схватки, другое — наоборот, с энтузиазмом тыкалось в любого, кто проходил мимо.

— В Бюро магических ошибок мы специализируемся именно на таких случаях! — объявила Морвен, указывая на рыцаря, чьи доспехи внезапно заиграли весёлую мелодию.

На специально отгороженном участке дымились котлы конкурса «Самое бесполезное заклинание». Один участник с важным видом декламировал заклинание, в результате которого его котёл начал... варить идеально чистую воду. Другой с гордостью демонстрировал заклятие, превращающее камень в... чуть более тёплый камень. Толпа смеялась, а судьи делали пометки в свитках.

— Если ваши заклинания ведут себя так же странно — добро пожаловать в наше Бюро! — раздавалось то и дело с этого участка.

Особой популярностью пользовался конкурс кулинаров

«Несъедобно, но оригинально». Одна участница представила пирог, который... убегал от тех, кто пытался его разрезать. Другой умудрился приготовить жаркое, которое меняло вкус в зависимости от настроения едока. Ардем, назначенный главным дегустатором, уже облизывал морду, оценивая «особые» экземпляры.

— Наше Бюро поможет даже с такими... э... кулинарными подвигами! — смущённо пояснял Томлин, отбирая у дракона пятую по счёту пробу.

На бардовской сценке, украшенной гирляндами из нот, один за другим выступали неудачливые музыканты. Арфа одного исполнителя играла прекрасную музыку... но только когда её не трогали. Другой музыкант обнаружил, что его флейта играет исключительно ноты, которых нет в природе. Третий певец с удивлением заметил, что его голос звучит прекрасно — но только когда он молчит.

— Если ваши музыкальные таланты ведут себя подобным образом — вы знаете, куда идти! — объявила Морвен, указывая на ближайшую листовку.

А на дальнем конце поля уже выстроились участники гонок на мётлах. Трассу обозначали флажки, которые то и дело перебежали с места на место. Один участник с ужасом об-

наружил, что его метла летит... но только вверх и вниз, а не вперёд. Другой нёсся к финишу, но почему-то задом наперёд. Третий и вовсе кружился на месте, распевая песни.

— Бюро магических ошибок ждёт всех, чьи транспортные средства ведут себя неподобающим образом! — разносилось над полем.

Фанс, наблюдая за всем этим с небольшого возвышения, покачал головой. Вечерний ветер шевелил листовки, развешанные повсюду, на которых крупными буквами было написано: «Бюро магических ошибок — мы сделаем ваш провал нашим общим успехом!» Солнце почти скрылось за горизонтом, когда он поднял руку, давая знак к началу главного события — награждения самых выдающихся неудачников вечера.

Фанс уже поднял руку с позолоченным свитком, готовясь объявить победителей, когда Морвен вдруг схватила его за рукав.

— Подожди, — её глаза блестели в свете фонарей, — почему только они должны веселиться?

Томлин, стоявший рядом, тут же подхватил идею:

— Давай и мы поучаствуем! Фанс, тебе просто необходимо попробовать рыцарский турнир!

Фанс хотел было возразить, но Ардем уже толкал его в сторону арены, выпуская клубы дыма от возбуждения.

Доспехи сидели на Фансе... нелепо. Шлем съехал набок, закрывая один глаз, нагрудник болтался, словно пытаясь сбегать, а поножи гремели при каждом шаге, как кухонная утварь.

— Тебе очень идут доспехи, — абсолютно искренне выдал Томлин.

— Я выгляжу как вышедший на пенсию чайник, — проворчал Фанс, с трудом взбираясь на лошадь (которая, к слову, смотрела на него с явным скепсисом).

Турнир начался. Копьё Фанса упорно норовило выскользнуть из рук, а его противник — здоровенный детина с бородой — уже потирал руки в предвкушении лёгкой победы.

Но когда прозвучал сигнал к атаке, случилось неожиданное: Фанс, забыв про все заклинания и магию, инстинктивно выставил копьё — и сбил противника с седла с первого удара!

Толпа взревела от восторга. Сам Фанс, красный от смущения, пытался слезть с лошади, но застрял в стремени, чем вызвал ещё больший хохот.

Томлин, воодушевлённый успехом Фанса, схватил первый попавшийся лук — тот самый, что стрелял задом наперёд.

— Э-э... — он потянул тетиву, и стрела вылетела у него из-за спины, едва не задев Ардема.

Следующая попытка: лук внезапно согнулся пополам, выпустив стрелу вверх. Она взмыла, описала дугу и... приземлилась прямо в квадратный яблочный пирог смущённого эльфа.

— Браво! — закричала Морвен. — Новый рекорд — падение в еду не целясь!

Томлин поклонился, случайно выпустив ещё одну стрелу — на этот раз в небо. Где-то вдалеке раздался возмущённый крик.

Морвен, оседлав метлу, тут же перевернулась вверх ногами, но каким-то чудом удержалась.

— Я никогда не думала, что это так весело! — закричала она, пролетая над толпой вниз головой, волосы развевались, как тёмное знамя.

Метла виляла, петляла и дважды пыталась приземлиться вне трассы, но Морвен только хохотала, цепляясь за неё одной рукой.

— Держись! — орал Томлин, прыгая от восторга.

В финале она врезалась в стог сена, но вылезла оттуда, всё ещё смеясь, с соломой в волосах и сияющими глазами.

Ардем, вооружившись ложкой размером с лопату, пытался замесить тесто, но вместо этого размазал половину муки по своему животу, затем чихнул — и поджёг сахар и в довершении ко всему случайно сел на готовый пирог (к всеобщему ужасу и своему восторгу).

— Это новый рецепт! — объявил он, вытаскивая из-под себя сплюсненную лепёшку. — Драконий пирог «Сюрприз внутри»!

Толпа ликовала.

Вчетвером они стояли в центре поля, перепачканные мукой, с соломой в волосах и следами копоти на лицах.

— Кого будем награждать? — спросил Фанс, оглядывая толпу таких же неудачников.

— Никого, — сказала Морвен, всё ещё трясясь от смеха.

— Достаточно того, что это было весело, — добавил Томлин, вытирая со лба яблочный джем.

Ардем согласился, доедая свой «пирог».

И тогда Фанс просто поднял кубок вверх и крикнул:

— Все вы — победители! Потому что сегодня проигрывать — это и есть победа!

Толпа взорвалась аплодисментами. Где-то в небе засияли первые звёзды, а на столбах вокруг поля тихо шелестели листвы:

«Бюро магических ошибок. Мы сделаем ваш провал — нашим общим праздником!»

Глава 3

Три дня, прошедшие после Турнира Неудачников, витали в воздухе особняка сладким привкусом успеха. В камине весело потрескивали поленья, а Томлин, распевая, вынимал из печи новую партию булочек с корицей, на которую у Морвен была теперь аллергия.

— Может, всё-таки попробуешь? — предложил он, с надеждой протягивая тарелку. — Я, кажется, смог нейтрализовать...

— Лучше я просто постою рядом и буду дышать, — с насмешкой парировала Морвен, отодвигая угощение. — Последний раз мои пальцы онемели на полчаса.

Идиллию нарушил громкий, мелодичный мурлыкающий звук, донёсшийся с крыльца. Он переходил в сложные рулады, напоминая арию из какой-то забытой оперы.

— Наш чайник снова учится петь? — насторожился Томлин.

— Нет, — Фанс, выглянув в окно, тяжело вздохнул и провёл рукой по лицу. — Хуже. У нас появилась очередь.

На пороге особняка, подгоняемая пронизывающим вет-

ром, собралась пёстрая компания. Во главе её восседала на огромном рыжем коте крошечная фея в платье из живых незабудок. Кот, не переставая, выводил свою мелодию.

— Я леди Иви, — представилась фея тонким, звенящим голосом, — а это мой верный скакун, маэстро Муррцио. К несчастью, его талант пробудился лишь к пению, но полностью атрофировался к ловле мышей. Мы надеемся на вашу помощь.

За ними топорщился, громко лязгая сталью, осьминог, с трудом уместившийся в латах, явно сшитых на существо иной конфигурации.

— Я — сэр Октахад, защитник... э-э... глубин и справедливости! — провозгласил он, одно из щупалец неуверенно помахало в воздухе вместо руки.

— А я — Ардем! — просипел у его ног ящер цвета молодой травы, размером не больше сапога. Он надул крошечную грудь и попытался изрыгать пламя, но вместо этого лишь чихнул, выпустив облачко пыли. — Огнедышащий и ужасный! Требую дань в виде... блестяшек!

Из дверей амбара, с грохотом отбросив их половину, высунулась огромная голова настоящего Ардема. Дымок от его ноздрей слился с морозным воздухом.

— Кто?! — прогремел он, окидывая очередь взглядом, полным возмущения. — Кто этот жалкий подражатель, посмеивший украсть моё гордое имя?!

Ящер-самозванец пискнул и в ужасе забился под стальной башмак сэра Октахада.

Томлин же не обращал внимания на этот хаос. Он был абсолютно очарован низкорослым, кряжистым дворфом с окладистой бородой, заправленной за пояс пёстрого фартука. В его руках дымился поднос с невероятно воздушными, румяными булочками.

— Я Боррин, — хрипловато представился дворф, протягивая Томлину одно из творений. — Всю жизнь меня трясло от звона молота о наковальню. Зато запах свежей выпечки... это моё.

— Наконец-то! Адекватный человек! — воскликнул Томлин, с жадностью отламывая кусок булочки. — Морвен, глянь! Идеальные поры!

Хаос достиг своего апогея, когда тщедушный человечек в засаленной мантии, пытаясь починить расшатавшийся забор у палисадника, взмахнул палочкой и с криком «Чини-

ло!» превратил его в стадо розовых, беззаботно прыгающих кроликов.

— Опять! — взмолился он, обращаясь к небу. — У меня не получается ничего, кроме этого! Ни-че-го!

Морвен, до этого скептически наблюдавшая за происходящим, скрестив руки, вдруг оживилась. В её глазах блеснула искра.

— Ферма! — уверенно заявила она. — Организуем кроличью ферму прямо на заднем дворе. Это же гениально!

В этот самый миг внезапно налетевший шквал сорвал с крыльца последние осенние листья и ворвался в приоткрытую дверь. Вихрь закружился в центре гостиной, и из него, словно из ниоткуда, родилась девушка. Её фигура состояла из прозрачного воздуха и солнечного света, а волосы были сплетены из струящихся туманов. Взгляд её, лёгкий и невесомый, как ветерок, скользнул по комнате и сразу, без сомнений, остановился на Томлине.

— Здесь пахнет... основательно, — произнесла она голосом, напоминавшим шелест листвы, плавно подплывая по воздуху к ошеломлённому пекарю. — Тепло. Прочно. Интересно.

Морвен медленно опустила скрещённые руки. Её брови поползли вниз, а губы сжались в тонкую, неодобрительную ниточку.

Фанс, с видом страдающего аристократа, взмахнул рукой.
— Прошу всех в особняк. Только, умоляю, без дальнейших превращений. Особенно в кроликов.

Он кивнул сэру Октахаду, чьи доспехи жалобно закрипели.

— Сэр рыцарь, полагаю, нам есть что обсудить. Проблемы окисления благородных металлов мне не чужды.

— О, наконец-то человек, понимающий тонкую натуру доспехов! — восторженно булькнул осьминог, последовав за Фансом в кабинет.

Тем временем Ардем, свернувшись у камина, с снисходительным любопытством разглядывал ящера-самозванца, который дрожал, прижавшись к ножке стола.

— Итак, «Ардем», — прохрипел дракон, выпустив маленькое дымное колечко. — Говоришь, огнедышащий? Покажи.

— Я... я могу! — пискнул ящер и, набравшись храбрости, чихнул, выпустив искорку. — Видал?

Ардем фыркнул, но в его глазах мелькнула улыбка.

— Слабовато. Но за наглость — уважаю. Можешь остаться. Будешь... моим посланцем к мелкой живности.

Морвен, ловя краем глаза, как Томлин застенчиво улыбается новой гостье, резко развернулась к Боррину.

— Ты — на кухню. Покажешь свои булочки, — её тон не допускал возражений. Дворф, радостно кивнув, послушно поплёлся за ней.

Затем она схватила за рукав мага, безнадежно наблюдавшего за своими розовыми кроликами.

— А ты, — со вздохом произнесла она, — со мной. Покажу, где будет твоя ферма. — И, бросив ядовитый взгляд через плечо на Томлина и Аэриэль, повела мага в сад.

Тем временем Томлин, краснея до корней волос, пытался поддержать разговор.

— Так ты... дух? Ветра?

— Я — Аэриэль, — её голос звучал как лёгкий перезвон. — Дыхание бури, шёпот утреннего бриза. Я путешествую между мирами, но редко нахожу места, столь... устойчивые. И их обитателей, столь прочно стоящих на ногах. — Её прозрачная рука жестом очертила его фигуру от головы до пят.

Томлин смущённо хихикнул и потёр затылок.

— Ну, я пекарь. Мы, как булочки, должны быть основательными. Хочешь, покажу наш особняк? Он, э-э... тоже довольно прочный. И полный сюрпризов!

Морвен, выходя в сад и услышав это, с такой силой хлопнула дверью, что та на мгновение превратилась в подобие водной поверхности, прежде чем снова стать деревом.

Задний двор особняка тонул в золотом свете угасающего дня. Морвен, скрестив руки, смотрела, как розовые кролики беззаботно прыгают по грядкам.

— Меня зовут Элдор, — тихо сказал маг, ломая затянувшееся молчание. — Извините за... э-э... невольное нашествие.

— Ничего, — отрезала Морвен, не глядя на него. — Глав-

ное, чтобы не покусали корни моих цветов.

Её взгляд был прикован к освещённому окну на втором этаже, откуда доносился смех Томлина.

— Кажется, я не вовремя со своими кроликами, — осторожно заметил Элдор, проследив за её взглядом. — Если я чем-то могу помочь... иногда полезно проговорить то, что душит.

— Меня ничто не душит, — холодно парировала Морвен, но её пальцы сжали собственные локти так, что костяшки побелели. — И у меня нет проблем для обсуждения с незнакомым магом, чья лучшая идея — кроличий питомник.

Элдор вздохнул. Он поднял с земли сухую ветку, на мгновение сосредоточился, и с тихим хлопком та превратилась в пушистого кролика нежного лавандового оттенка. Зверёк ткнулся холодным носиком в руку Морвен.

Она вздрогнула от неожиданности, и суровые уголки её губ дрогнули. Она не улыбнулась, но щёки её смягчились.

— Ладно, — выдохнула она, слегка почёсывая кролика за ухом. — Он... милый. Заботься о своих питомцах, Элдор. Я буду внутри.

Когда Морвен вернулась в холл, по широкой лестнице как раз спускались Томлин и Аэриэль. Он что-то рассказывал, размахивая руками, а она парила на ступенькой выше, её смех звенел, как хрустальные колокольчики. Увидев Морвен, Томлин на мгновение замолчал, его улыбка стала немного виноватой.

— Аэриэль хочет исследовать дом, — бодро сообщил он, словно оправдываясь. — Говорит, чувствует здесь древние сквозняки.

Дух ветра кивнула Морвен с лёгкой, безразличной вежливостью и уплыла в сторону библиотеки, оставив за собой лёгкий запах озона и полевых цветов.

— Ладно, — Томлин потёр ладонь о штанину. — Я пойду на кухню. Посмотрю, как у Боррина дела с тем тестом.

Он ушёл, даже не спросив, как её дела на заднем дворе. Морвен осталась стоять одна в центре пустеющего холла. Где-то наверху скрипела половица, с кухни доносился смех Томлина и низкий гул голоса дворфа, а по стенам скользили тени, отбрасываемые заходящим солнцем. Она ощутила острое, колющее чувство одиночества, будто её снова вытолкнули за границу жизни, в которой она только что начала чувствовать себя своей.

Кухня особняка утопала в тёплых, сдобных запахах, став ареной стремительно развивающейся пекарской дружбы. Томлин и Боррин, стоя плечом к плечу у заваленного мукой стола, напоминали двух полководцев, разрабатывающих стратегию битвы с тестом.

— Веничная мука! — с восхищением в голосе воскликнул Томлин, разминая в пальцах щепотку тёмной, грубого помола субстанции, которую Боррин извлёк из своего походного мешка. — Я только слышал о ней! Говорят, её мелют на жерновах, вращаемых подземными родниками.

Боррин самодовольно хмыкнул, поправляя свой испачканный мукой фартук.

— Не родниками, парень, а силой пара! — поправил он. — Моя прабабка, царство ей под землёй, первая приспособила паровую турбину от старого насоса на мельницу. Дрожжи от этого в восторге — буйствуют, как молодые шахтёры после смены!

— Гениально! — Томлин с жадностью изучал рецепт, который Боррин нацарапал углём на дощечке. — А этот «огненный солод»? Ты действительно сушишь его на раскалён-

ных камнях из сердцевины вулкана?

— А как же! — Дворф сиял от такого внимания к его искусству. — Придаёт хлебу ту самую упругую корочку, что звенит, как сталь о сталь, когда по ней стучишь. Но внутри — нежнее облака. Вот, попробуй мою утреннюю булку.

Томлин отломил кусок. Хруст был слышен по всей кухне, но мякиш таял во рту.

— Невероятно! — прошептал он с благоговением. — У меня никогда не получалось добиться такого контраста. Я всегда боялся передержать.

— Секрет в паре, дружище! — Боррин снисходительно похлопал Томлина по спине, отчего тот чуть не влетел в миску с тестом. — Нужно не бояться огня, а дружить с ним. Как и с любым упрямым существом. Эй, а я смотрю, ты используешь мёд диких полевых цветов? Интересная мысль... смягчит горечь моего солода. Давай попробуем соединить наши рецепты? Создадим хлеб, который заставит петь и эльфов, и дворфов!

— Да! — воодушевился Томлин. — Назовём его... «Дипломатический каравай»!

Их совместный смех, густой и радостный, как хорошо подобранная закваска, снова наполнил кухню.

В это время в кабинете Фанса царила атмосфера совсем иного, но не менее искреннего взаимопонимания. Фанс, откинувшись в кресле, с изумлением наблюдал, как сэр Октахад, сняв один наплечник, демонстрирует ему проблему.

— Вот видите, уважаемый маг, — булькал осьминог, щупальцем указывая на тонкую паутинку трещин на полированной стали. — Окисление — это ещё полбеды. Но структурная хрупкость в местах сгиба... Это уже вопрос чести!

— Понимаю, понимаю, — Фанс с сочувствием кивал, снимая очки. — Проблема благородного металла, вынужденного противостоять грубой силе природы. Или, в вашем случае, солёной воде. Классический конфликт формы и функции.

— Именно! — обрадовался Октахад, и его щупальца радостно заволновались. — Вы — первый, кто видит не просто «ржавого спрута», а воина, борющегося с неизбежным упадком! Может, посоветуете какое-нибудь защитное заклятье? Эмалирование, может быть?

— Заклятье... — Фанс с тоской взглянул на свои руки, лишённые магии. — Увы, с этим сейчас сложно. Но я мо-

гу предложить альтернативу — редкий лак на основе смолы драконьего дерева и воска горных пчёл. Он не магический, но невероятно прочный. И, что немаловажно, благородно блестит.

— Блестит? — Сэр Октахад замер, а его огромные глаза наполнились надеждой. — Уважаемый Фанс, вы не просто маг, вы — художник и философ! Я целиком и полностью полагаюсь на ваш вкус!

Фанс с лёгкой улыбкой налил в два бокала выдержанного вина. Впервые за долгое время он чувствовал, что его светские и интеллектуальные навыки снова востребованы, даже без намёка на волшебство.

В гостиной, устроившись на груди подушек, Ардем с нарастающим раздражением наблюдал за ящером. Тот расхаживал перед ним, важно задрав хвост.

— Я Большой Ужасный Ардем! — провозгласил ящер, пытаясь надуть грудь. — Я могу спалить целый город одним чихом!

— Одним чихом? — фыркнул настоящий дракон, и из его ноздрей повалил густой дым. — Я одним чихом случайно поджариваю тосты на кухне, когда Томлин забывает их в ду-

ховке. Это не уровень «целого города», малявка.

— Я не малявка! — запищал ящер, топая лапкой. — Я... я просто принимаю компактную форму для удобства!

— Ага, конечно, — Ардем презрительно щёлкнул языком. — И твои «сокровища» — это та самая блестящая пуговица, что ты у меня стащил?

— Это моя добыча! — ящер прижал лапками злополучную пуговицу.

Морвен, проходившая мимо с мрачным видом, остановилась, наблюдая за этой сценой.

— Хватит, — сказала она, вставая между ними. Её голос прозвучал устало, но твёрдо. — В этом доме и так хватает хаоса.

— Но он упрямый обманщик! — возмутился Ардем.

— А он... большой и вредный! — парировал ящер.

Морвен вздохнула.

— Ардем, он безобидный. А ты, — она посмотрела на

ящера, — перестань провоцировать дракона, который в сто раз больше тебя.

Ящер на мгновение притих, затем подбежал к лапе Ардема и трогательно потёрся о его чешуйку.

— Но я всё равно Ардем-младший! — прощепетал он, глядя на дракона преданными глазами. — Я буду учиться у тебя! Буду таким же великим и ужасным!

Настоящий Ардем фыркнул, от чего ящерка откатился кубарем. Но ворчание дракона уже не звучало так сердито. Он отвернулся, делая вид, что не заметил этого жеста, но хвост его слегка повиливал. Морвен, покачав головой, удалилась. Оба остались при своём мнении, но теперь их спор приобрёл оттенок скорее ритуала, чем настоящей вражды.

Вечер опустился на особняк, приглушив дневной хаос. Сэр Октахад, смазанный таинственным составом Фанса, мирно поскрипывал в углу гостиной. Леди Иви и маэстро Муррцио устроились на подоконнике, и кот, наконец, мурлыкал, а не пел. Боррин, распрощавшись до завтра, ушёл на постоянный двор, пообещав принести на пробу закваску «с душой гор». Даже Ардем и его новый «ученик» устроились у камина, и тихое посапывание ящера сливалось с мощным гулом дракона.

Томлин, уставший, но довольный, вытирал последнюю тарелку. Воздух всё ещё пах хлебом, но теперь к нему примешивался аромат вечерних трав и тишины.

— Ну вот, — сказал Томлин, обводя взглядом умиротворённую картину. — Похоже, мы со всем справились. Ну, почти со всем.

Его взгляд невольно скользнул к лестнице, наверху которой скрылась Аэриэль. Морвен, стоявшая у другого конца стола и перебирающая свиток с первыми подсчётами потенциального дохода от кроличьей фермы, поймала этот взгляд. Её лицо снова стало каменным.

— Да, — сухо ответила она. — Особняк полон. Бюро работает. Что ещё нужно для счастья?

Фанс, спускавшийся по лестнице с пустой чашкой из-под кофе, остановился, глядя на них.

— Поздравляю, — произнёс он без тени улыбки. — Мы официально превратили фамильный особняк в общежитие для магических недотёп. Надеюсь, прадед не видит этого с того света. Хотя ему, с его любовью к бочонкам эля, вероятно, даже бы понравилось.

Внезапно где-то наверху, со стороны библиотеки, донёсся лёгкий, как ветерок, смех Аэриэль и звон разбитого стекла. Все замерли.

— Это была ваза, — безразлично констатировал Фанс. — Времён дворфийского кризиса. Не магическая.

Томлин вздохнул с облегчением. Морвен же почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Я пойду проверю кроликов, — сказала она, откладывая свиток, и вышла через заднюю дверь, в прохладу ночного сада.

Томлин хотел было что-то сказать, но остановился. Воздух в комнате снова сгустился, но теперь это была не уютная вечерняя тишина, а тяжёлое, невысказанное напряжение. Бюро магических ошибок уснуло. Но его проблемы только готовились проснуться.

Глава 4

Утро в особняке наступило хмурое, с потугами осеннего дождя за окнами. Воздух вчерашнего вечера, густой от невысказанного, ещё не рассеялся. Он висел между Томлином и Морвен за завтраком, как невидимая скатерть, которую никто не решался стянуть.

Томлин пододвинул к Морвен тарелку с идеальным омлетом — пушистым, золотистым, тем самым, что у него всегда получался лучше всего.

— Как... кролики? — спросил он, стараясь звучать непринуждённо.

— Спят. Или жуют. Делают то, что положено делать кроликам, — ответила Морвен, не поднимая глаз от своего кофе. Её пальцы плотно обхватывали кружку, будто черпая из неё решимость. — Элдор обещал принести сено сегодня. Он, кажется, меньше боится превратить его во что-то непотребное.

Её тон был ровным, деловым.

Разговор окончательно завяз, когда в прихожей раздался стук. Частый, сухой и какой-то... испуганный. Словно стучали костяшками пальцев, которые вот-вот дрогнут.

— Кто-то на пороге, — вздохнул Фанс, появляясь на лестнице уже одетым, хотя в его взгляде ещё плавали обрывки сна о векселях и ржавых доспехах. — Надеюсь, это не очередной поклонник моего прадеда, требующий возврата долга, выданного под честное эльфийское слово.

Дверь открыл Томлин.

На пороге стоял гном. Но он был не похож на коренастую, уверенную в себе скалу, как Боррин. Этот напоминал скорее высохший тростник, готовый сломаться от порыва ветра. Огромные, круглые очки съехали на кончик носа, за ними метались беспокойные глаза. Его коричневое пальто было не просто поношенным — оно было истрёпано самой жизнью, испещрено таинственными пятнами и следами поспешных штопок.

— П-профессор Элбин Крепкий Переплёт, — выпалил он, не дожидаясь вопроса. Его голос скрипел, как несмазанная дверь. — Из Академии Нерегулируемых Артефактов. Мне... мне сказали, вы берётесь за... нетипичные случаи. У меня нетипичный. Очень.

Он шагнул внутрь, неловко сняв со спины потрёпанный полевой ранец. Он поставил его на пол так осторожно, словно внутри лежало спящее, но капризное дитя вулкана.

И в этот самый момент из гостиной донёсся болезненный стон.

Ардем выкатился из-за угла, прижимая лапы к вискам. Его изумрудные чешуйки поблёкли.

— Что это?! — его рык был полон недоумения и боли.
— Что ты принёс, двуногий? У меня в голове...шум. И зубы сводит.

Морвен, вышедшая из кухни, резко остановилась. Она не слышала шума. Но она почувствовала — тишину. Густую, давящую, высасывающую звуки. Как будто пространство вокруг ранца стало глухим пятном в яркой ткани мира.

— Здесь... слишком тихо, — прошептала она, и её собственный голос прозвучал приглушённо, будто из-за толстого стекла.

Фанс нахмурился. Его сонливость испарилась, уступив место холодному, аналитическому интересу. Он приблизился к ранцу, не прикасаясь к нему, и провёл рукой в воздухе, бормоча простейшее заклинание свечения. На его кончиках пальцев вспыхнул мягкий свет... и тут же, будто его высосали, погас, не коснувшись замшелой ткани.

— Любопытно, — произнёс маг, и в его голосе зазвучала та самая нотка, которая обычно предвещала долгие часы в библиотеке и взрывы в лаборатории. — Поглощение. Полное и, кажется, ненасытное. Покажите, профессор. Что в вашем «нетипичном случае»?

Элбин, всё более бледнея, щёлкнул застёжками. Его пальцы дрожали. Из ранца он извлёк не длинный футляр из тёмного, почти чёрного дерева, с потёртыми углами и потускневшей фурнитурой.

Он поставил футляр на пол в центре прихожей и отпрянул.

Сердцебиение Ардема, тяжёлое и частое, стало вдруг единственным громким звуком. Все смотрели на невзрачную коробку.

Фанс кивнул Элбину. Тот, зажмурившись, нажал на защёлки.

Крышка откинулась беззвучно.

На бархатной подкладке, цвета старого вина, лежал камень.

Он был чуть меньше гномьего предплечья, и его чернота была совершенной. Его цвет скорее отсутствовал. Глубокая, матовая пропасть, вязкая и холодная. От него не исходило ни свечения, ни звука, только ощущение пустоты — активной, ждущей, голодной.

Ардем завыл — коротко и жалобно, зарыв морду в лапы.

Морвен почувствовала, как ледяная волна прошла по её коже, заставив недавно обрётённую плоть покрыться мурашками. Даже Томлин, чья душа была слепа к тонким материям, почувствовал внезапный, беспричинный озноб, будто из комнаты вытянули всё тепло.

Фанс же не моргнув смотрел на камень. В его глазах, обычно таких насмешливых, горел сейчас чистый, незамутнённый интеллектуальный голод, смешанный с глубочайшей настороженностью.

— Он... потребляет, — прошептал маг, больше для себя, чем для других. — Магию, звук, тепло... Что ещё? И главное — зачем? Что за чёрная дыра такая?

Тишина в прихожей была теперь иной — не вечерней и уставшей, как вчера. а натянутой, как тетива лука, который вот-вот сорвётся. Камень лежал в открытом футляре, и его присутствие ощущалось физически, как лёгкая тошнота или звон в ушах.

Ардем первым нарушил молчание, просипел сквозь сжатые зубы:

— Уберите это. В амбар. В подвал. В жерло вулкана. Мне всё равно.

— Спокойно, — сказал Фанс, но его собственный голос звучал непривычно напряжённо. Он наклонился, не касаясь камня, и захлопнул крышку футляра. Давление в воздухе сразу же ослабло, но не исчезло полностью, будто зловещий аромат, въевшийся в дерево. — Профессор, полагаю, нам нужно поговорить. Детально.

Элбин, всё ещё бледный, закивал с такой готовностью, будто его только что пригласили на аудиенцию к королю, а не в кабинет мага, живущего в общежитии для неудачников.

— Да-да, конечно! У меня всё записано! Координаты, замеры, контекстуальные находки...

Фанс взял футляр и направился к лестнице.

— Сэр Октахад, — бросил он через плечо, — ваше мнение о долговечности материалов может оказаться полезным. Не присоединитесь ли?

Доспехи осьминога с готовностью залязгали, и он поплыл вслед за магом, щупальца уже нервно перебирая воздух в предвкушении технической дискуссии.

— О, конечно! Проблемы коррозии благородных металлов в агрессивной среде — это моя страсть!

Их шаги затихли наверху. В прихожей остались Томлин, Морвен и всё ещё постанывающий у порога гостиной Ардем. И тут, словно призванная самой этой тяжёлой тишиной, с лестницы плавно спустилась Аэриэль.

Она выглядела, как материализовавшийся солнечный луч, — прозрачная, лёгкая, в её волосах из струящегося тумана играли невидимые струи воздуха.

— Что за странный холод? — спросила она, её голос был похож на шелест шёлка. — И это гудение... оно режет. Как тупое лезвие. Что вы принесли в дом, Томлин?

Она обратилась именно к нему, проплыв мимо Морвен, как мимо предмета мебели. Её прозрачная рука жестом очертила пространство вокруг футляра, который унёс Фанс.

Томлин, всё ещё пытаясь осмыслить происходящее, пожал плечами.

— Артефакт какой-то... Чёрный камень. Профессор принёс. Он, кажется, магию портит. Ардему плохо.

— Магию портит? — Аэриэль рассмеялась, и её смех прозвенел, как разбитое стекло. — Нет, милый пекарь. Он её ест. Я чувствую, как он тянет потоки... Даже мои. Очень непри-

ятно.

Морвен, всё это время молча стоявшая у стола и сжимавшая в кулаке свой свиток с подсчётами, резко разжала пальцы. Пергамент с шуршанием упал на пол.

— Если тебе неприятно, — сказала она ледяным тоном, не глядя ни на Аэриэль, ни на Томлина, — то представь, каково тем, кто живёт здесь постоянно, а не залетает на часок устроить сквозняк и разбить вазы.

Не дожидаясь ответа, она резко развернулась и направилась к задней двери. Её шаги отстукивали чёткий, сердитый ритм по каменному полу.

— Я на ферме, кроликов кормлю. — И дверь захлопнулась за ней с таким звуком, будто хлопнула крышка гроба.

Томлин замер, разрываясь между необходимостью что-то объяснить Аэриэль и инстинктивным желанием броситься за Морвен. Он видел, как напряглась её спина перед уходом, чувствовал, что его ответ духу ветра был последней каплей. Но он и правда почти ничего не понимал в происходящем! Как он мог объяснить, если сам не соображал?

— Она всегда такая... колючая? — спросила Аэриэль с

искренним, легкомысленным любопытством, наблюдая, как дверь перестала раскачиваться.

— Она... у неё много на душе, — сдавленно ответил Томлин, всё ещё глядя на закрытую дверь. Затем он вздохнул и повернулся к духу. — Тебе правда плохо от этого камня? Может, тебе стоит... не приближаться?

— О, я уже не приближаюсь, — Аэриэль сделала воздушный пируэт, отплывая подальше от лестницы, ведущей в кабинет Фанса. — Я просто чувствую его, как вы чувствуете запах гари. Он... тяжёлый. Противный. В моём мире таких вещей нет. В вашем, видимо, есть. Станный вы мир.

Она внезапно устремилась к высокому арочному окну, и её форма на мгновение растворилась в солнечном свете, пронзающем тучи.

— Пойду поиграю с облаками. Воздух там чище. — И, не попрощавшись, она выплыла сквозь стекло, оставив после себя лишь лёгкий запах озона и ощущение пустоты, уже совсем не такой, как от странного камня, но от этого не менее гнетущее.

Томлин остался один в прихожей, если не считать посапывающего у камина Ардема. Он поднял с пола свиток Морвен, аккуратно свернул его и положил на стол. Работа. Сейчас нужно работать, разбираться с этой каменной бедой. А

всё остальное... Всё остальное придётся разбирать позже. И от этой мысли на душе стало так же холодно и неприятно, как от прикосновения к тому чёрному деревянному футляру.

Томлин взял чашку остывшего кофе и устроился на широком подоконнике в кухне, спиной к холодному стеклу. За окном моросил осенний дождь, превращая сад и кроличьи вольеры в размытую акварель. Он смотрел туда, но видел не дождь, а спину Морвен, резко разворачивающуюся к двери. Слышал не стук капель, а ледяной металл в её голосе.

Что ей нужно? — крутилось у него в голове. Они спасли её отца, вернули её к жизни, у них теперь есть дом, дело, друзья... Разве этого мало? Аэриэль? Да она же просто... явление природы. Красивое, да, но мимолётное, как радуга после грозы. Разве Морвен не понимает, что для него она — единственная настоящая ось, вокруг которой всё вращается? Он пытался это показать — булочками, заботой, тем, что просто был рядом. Видимо, недостаточно пытался. Или не так.

Он вздохнул так глубоко, что чуть не расплескал кофе, и погрузился в ещё более мрачные размышления, перебирая в памяти вчерашний день в поисках той самой роковой ошибки.

Его спасли тяжёлые, уверенные шаги и грохот, словно на кухню свалилась небольшая скала. Томлин вздрогнул и

обернулся.

Боррин, сбросив с плеч плащ, отряхивался, как медведь, разбрызгивая капли дождя во все стороны. На полу красовались два крепких ящика, откуда уже начал распространяться пряный, сложный аромат — имбирь, кориандр, что-то дымное.

— Вот, притащил, — хрипло сообщил дворф, потягиваясь так, что у него хрустнула спина. — Пряности с южного базара, мука из тех самых мельниц, что на родовом гербе Фанса, должно быть. И закваска. — Он огляделся. — А где остальные-то? Особняк тихий, будто в нём только призраки остались. Ну, кроме тебя.

Томлин махнул рукой в сторону лестницы, потом в сад.

— Фанс, профессор и сэр Октахад наверху, камень какой-то разбирают. Ардем в гостиной спит, отходит. Морвен... на ферме. Аэриэль... с облаками играет.

Боррин прищурил один глаз, изучая Томлина. Его взгляд, острый, несмотря на кажущуюся грубость, заметил и сжатые плечи, и отсутствующий взгляд, и ту самую тяжёлую тишину вокруг пекаря, которую не могли разогнать даже запахи специй.

— Камень, говоришь? — переспросил он, приступая к разгрузке ящиков. — Ну, с камнями Фанс разберётся, у него голова для этого приспособлена. А вот у тебя, парень, лицо длиннее, чем у моей лопаты для хлеба. Камень тебя так согнул, или что-то... э-э... полегче весом, но погорячее?

Томлин попытался взбодриться, выпрямиться, даже натянул что-то вроде улыбки.

— Да нет, чего ты. Всё нормально. Просто задумался.

— Задумался, — неотрывно глядя на него, повторил Боррин, доставая увесистый мешок муки. Он поставил его на стол с мягким стуком. — Задумался так, что даже про новую муку не спросил. Значит, дело серьёзное.

Томлин хотел было снова отмахнуться, но что-то в спокойной, основательной уверенности дворфа остановило его. С Боррином не нужно было играть в угадайки или бояться показаться глупым. Он был прост и прям, как его же тесто.

— Просто... не понимаю иногда, — сдался Томлин, глядя в свою чашку. — Что нужно людям. Ну, или полуэльфийкам.

Боррин громко фыркнул, доставая глиняную кружку с за-

кваской.

— Хах! Да им всем, будь они людьми, эльфами или теми ещё кролиководами, нужно одно и то же. Точка опоры. — Он ткнул толстым пальцем в стол. — Чтобы знать, что есть что-то прочное, надёжное, на что можно опереться, когда ветер в голове или мир шатается. Для одних это долг, для других — дом, для третьих... ну, скажем, булочка, которая всегда получается одинаково вкусной. — Он посмотрел на Томлина. — Ты вот — точка опоры для многих здесь. Только сам, похоже, об этом не догадываешься.

Томлин молча переваривал его слова. Точка опоры? Он?

— Ладно, хватит киснуть, — Боррин оборвал его размышления деловым тоном. — От мыслей, как от дрожжей, тоже можно перекиснуть. Давай лучше дело делать. Поможешь мне тесто для нового хлеба поставить? Хлеб «Горная Твердыня», называется. Чтобы его только топором рубить можно было. Для дракона и его... ученика, что ли, подойдёт.

Идея была гениальна в своей простоте. Действие. Работа руками. Замес теста, которое не прощало ошибок и требовало всей твоей силы и внимания. Это был именно тот якорь, который был нужен Томлину сейчас.

— Да, — сказал он, решительно отставляя чашку и закатывая рукава. — Давай. Покажи мне свою «Твердыню».

И пока наверху шли тихие, напряжённые споры о природе магии, а в саду, под дождём, копилось молчаливое недовольство, на кухне запахло свежей мукой, тёплой закваской и простой, честной работой. Это был свой род магии — не менее могущественный и куда более понятный Томлину.

Дождь усиливался, превращаясь из мороси в настоящую осеннюю бурю. Холодные капли стекали за воротник кожного жилета Морвен, но она почти не чувствовала холода. Внутри всё горело.

Она деловито, с почти механической точностью, поправляла загородку вольера, куда уже успели набиться несколько розовых, взъерошенных от сырости кроликов. Её пальцы, сильные и ловкие, сами знали, что делать. А голова была занята другим.

«Всё время с этим ветром проводит».

Она с силой вогнала колышек в размокшую землю. Он вошёл с глухим чавкающим звуком, будто вбивался не в грунт, а во что-то живое и негодующее.

«Я же была здесь. Всегда. С самого начала, с той проклятой печи в Муковрате. Я таскала его по свету, рисковала, дралась, превращалась в призрака и обратно... ради чего? Чтобы он смотрел на меня как на удобную тень? Надёжный плащ? А стоит появиться чему-то блестящему, воздушному, не от мира сего — и всё».

Она схватила охапку сена и швырнула её в кормушку. Кролики в испуге шарахнулись в сторону, но потом, учуяв еду, осторожно потянулись к ней.

«Аэриэль. Дух. Эфирная нимфа. Её даже потрогать нельзя как следует. Но она может кружить вокруг него, смеяться этим своим стеклянным смехом, трогать его рукой из тумана... И он улыбается. Так глупо, так растерянно улыбается. А на меня смотрит, как на стражника, который портит всем веселье».

Морвен выпрямилась, смахнула мокрые пряди волос со лба. Дождь хлестал её по лицу, смешиваясь с чем-то солёным и горячим, что она отчаянно не хотела признавать слезами. Гнев был лучше. Гнев грел. Гнев был честным.

«И ведь я же всё прекрасно понимаю! Понимаю, что он добрый, что он просто не видит дальше собственного носа, что он, как пёс, готов вилять хвостом любому, кто его при-

ласкает. Но почему это так... обидно? Почему мне нужно это понимать? Почему я не могу просто быть той самой легкомысленной дурой, которая пришла и унесла его на своих воздушных струях? Потому что я — это я. Потому что я знаю цену потере и знаю, как выглядит настоящая верность. А она не блестит и не пахнет озоном. Она пахнет хлебом и дымом».

Она бросила взгляд на освещённое окно кухни. Там мелькали две фигуры — Томлин и Боррин. Они что-то месили, жестикулировали. Работали. Без неё.

«Вот и хорошо. Пусть возится с тестом. У него есть Боррин. А у меня...»

Она обвела взглядом свой маленький, промокший до нитки мирок: шуршащих кроликов, хлипкие загородки, грядки, размытые дождём.

«...у меня есть ферма. И это пока всё, что у меня есть. И это... нормально. Это надёжно. Это не улетит при первом порыве ветра».

Морвен глубоко вдохнула, вбирая в себя влажный, холодный воздух, пытаясь им потушить тлеющий внутри огонь обиды. Не вышло. Но она заставила себя поверить, что вышло. Она кивнула, будто утвердив этот факт, и снова наклони-

нилась к загородке, вцепившись в работу так, как если бы от этого зависела её жизнь. Возможно, так оно и было.

А дождь лил и лил, смывая с земли следы её шагов, но не в силах смыть тяжёлый осадок с её сердца.

Тяжёлая капля, сорвавшаяся с края навеса, шлёпнулась Морвен прямо на макушку, заставив её вздрогнуть. Она выпрямилась, смахивая воду с лица, и увидела фигуру в засаленной мантии, робко стоявшую под большим зонтиком из... похоже, из сшитых вместе листьев лопуха, которые то и дело пытались свернуться обратно.

— Э... Морвен? — окликнул её Элдор. Его голос был тихим, почти застенчивым. — Я принёс сено, как обещал. И... мне показалось, вам может быть одиноко здесь под дождём. Или... холодно.

Он протянул ей второй, такой же нелепый лопуховый зонт. Морвен, машинально приняв его, смотрела на мага с немим удивлением. Зонт в её руке тут же сложился в трубочку и зашипел, как недовольный гусь.

— Одиноко? — она фыркнула, отбрасывая капризное растение в сторону. — Нет. Здесь есть кролики. Они отличные слушатели. Не перебивают.

Элдор осторожно пристроился рядом под навесом, отодвинув ящик с сеном.

— Да, они... очень внимательные, — согласился он, глядя, как розовый ушастый зверёк методично жуёт стебель. — Но отвечать, к сожалению, не умеют. А иногда... очень нужно услышать ответ. Или просто — чтобы кто-то услышал тебя.

Морвен бросила на него быстрый, оценивающий взгляд. В его глазах не было праздного любопытства или жалости. Было понимание. Такое же усталое и выгоревшее, как у неё самой.

— А зачем? — отрезала она, снова принимаясь поправлять прутья вольера. — Чтобы потом жалеть? Или давать глупые советы?

— Чтобы не сойти с ума, — просто сказал Элдор. Он не пытался настаивать, просто сидел, наблюдая за дождём. — Я, знаете ли, много лет пытался говорить со стенами, с книгами, с инструментами. Пока не понял: они не отвечают не потому, что не хотят. Они просто не могут. А люди... люди часто могут. Но боятся. Или не считают нужным.

Молчание повисло между ними, наполненное лишь шумом ливня и тихим хрустом кроличьих зубов. И вдруг, к своему собственному ужасу, Морвен почувствовала, как у неё сдавленно срываются слова, которые она так старательно держала внутри:

— Он... он просто забыл. Как будто я — старый плащ, который повесили в шкаф, потому что появилась новая, блестящая накидка. А я ведь... я ведь здесь. Всегда здесь была.

Голос её дрогнул на последних словах, и она яростно сглотнула комок в горле, ненавидя себя за эту слабость.

Элдор кивнул, будто она сообщила ему, что трава зелёная, а небо — серое.

— Я видел, как он смотрит на ту... воздушную гостью, — тихо сказал маг. — Это взгляд путника, который увидел вдалеке красивый, незнакомый огонёк. Он манит. Он обещает что-то новое. Но долго смотреть на огонёк издалека — холодно. И рано или поздно путник понимает: чтобы согреться, нужен не далёкий свет, а свой костёр. Который пахнет дымом, потраченными дровами и... — он обернулся к окну кухни, откуда доносился смех Томлина и гулкий голос Боррина, — ...и тёплым хлебом.

Морвен закрыла глаза. Образ был слишком точен, слишком больно резал по живому.

— А если он так и не вернётся к костру? Если огонёк уведёт его за собой?

— Тогда это был не его костёр, — мягко, но твёрдо сказал Элдор. — И его потеря — не ваша вина. Но, простите за наглость, — он кивнул в сторону особняка, — по-моему, ваш пекарь — существо слишком... основательное, чтобы долго гоняться за миражами. Он может на время увлечься, заблудиться, но домой он всегда возвращается к тому, что имеет вес, вкус и запах. К чему можно прикоснуться.

Он помолчал, а потом добавил, глядя на своих кроликов:

— Я всю жизнь создаю то, что нельзя использовать по назначению. Кроликов вместо заборов, конфеты из пыли, дождь из перьев. Я — ходячая ошибка. И я научился одному: иногда то, что кажется браком, оказывается самым ценным. Мой розовый ушастый «брак» сейчас — ваша ферма. А ваша... обида, ваша боль — это просто обратная сторона того, что вы для кого-то важны. Перестаньте быть важной — и болеть перестанет. Но стоит ли оно того?

Морвен не ответила. Она смотрела на дождь, и внутри что-то медленно, с трудом, начинало перестраиваться. Гнев

ещё не ушёл, обида — тоже. Но к ним добавилась странная, хрупкая мысль: может, она не просто «удобный плащ». Может, она и есть тот самый костёр. И костры не бегают за путниками — они ждут. И греют тех, кто всё-таки возвращается.

— Спасибо, Элдор, — тихо сказала она, не глядя на него.
— За сено. И за... слова.

— Не за что, — маг поднялся, отряхиваясь. — Если что, я всегда рядом. Я, в отличие от кроликов, хоть и не такой милый, но отвечать умею. Иногда даже что-то дельное.

Он ушёл, оставив Морвен одну под стук дождя. Но одиночество теперь было другим — не таким острым, не таким беспросветным. Оно было просто тишиной перед тем, как принять решение.

В то время как внизу бушевали страсти и стихии, в кабинете Фанса царила другая буря — интеллектуальная. Камень лежал в центре стола на особом круге из серебряной пыли, изолирующем его влияние. Даже так, воздух в комнате казался разреженным, звуки — приглушёнными.

Профессор Элбин, нервно перебирая страницы своего полевого дневника, изливал поток сознания:

— ...и судя по стратиграфии слоёв и фрагментам керамики с лунными серпами, это определённо поздне-имперский период, примерно за три века до Великого Раскола! Обелиск был вмурован в центральный алтарь, но не как объект поклонения, а скорее... как замок. Как пробка! И вокруг — ни одного магического артефакта в рабочем состоянии, только инертные обломки. Как будто всё волшебное было... высосано за долгие века!

Фанс, в бархатных перчатках, осторожно водил вокруг камня тонким кристаллическим жезлом. На его кончике вспыхивали и тут же гасли, будто задавленные, разноцветные искры.

— Пробка... — повторил он задумчиво. — В пробке есть смысл. Он запирает. Или поглощает то, что должно быть заперто. Но что? И главное — кто и зачем создал такой... антиматический суппозиторий?

— Суппо... что? — переспросил сэр Октахад, чьи доспехи в этой странной атмосфере почти не скрипели, что, казалось, даже смущало его самого. Он неловко перебирал шупальцами по корешкам фолиантов на полке. — Это как-то связано с супами? В моих странствиях я пробовал орочий суп из ферментированных корней, который тоже мог лишить чувств, но это, кажется, не то...

— Не то, — сухо отрезал Фанс, не отрывая взгляда от жезла. — Думайте, сэр рыцарь. Вы бороздили полмира. Никогда не встречали подобной... тишины? Не места, где нет магии, а места, где она умирает?

Сэр Октахад замер, его щупальца задумчиво обвили древний глобус в углу.

— Тишина... — пробормотал он. — Была тишина. Неприятная. В Склепах Зловещего Шёпота, на самой границе орочьих степей. Разрушенный храм, столь же старый, наверное. Ни птиц, ни насекомых. Даже ветер там затихал, будто боялся зашелестеть. Мои доспехи... — он постучал щупальцем по своему нагруднику, — ...почти не звенели. Я думал, это от сырости. Но мои спутники-маги жаловались на головную боль и говорили, что их амулеты «спят».

Фанс и Элбин повернулись к нему с одинаковым выражением лица — смесью нетерпения и внезапной надежды.

— Описание храма? Символика? — выдохнул профессор.

— Камни... тёмные. Резьба стёрлась. Но помню огромную... чашу? Или воронку? Высеченную на полу. И всё было покрыто солевой коркой, будто море когда-то лизало эти

камни, а потом отступило.

— Чаша... — Фанс отложил жезл и схватил с полки тяжёлый том в коже морского змея. — «Геомантические аномалии побережья Аргоста». Элбин, ваш обелиск найден в холмах в глубине материка. Сэр Октахад видел нечто подобное на границе со степями. Если это части одного целого... системы... то геометрически...

Он начал быстро чертить на пергаменте линии, соединяя точки. Элбин, забыв о нервозности, впился в карту, его мозг работал с скоростью, достойной его Академии.

— Третий пункт! Должен быть третий пункт для устойчивой триангуляции! Если это сеть подавления, она не могла состоять из двух узлов!

Их взгляды метались по полкам. «Храмы Забытого Прилива»... «Культы Древнего Молчания»... «Архитектура Допотопного Аргоста»...

— Вот! — Элбин вытащил тонкую, истёртую книжицу с водорослями на обложке. «Путевые заметки паломника к Берегу Безмолвия». Он лихорадочно листал страницы. «...и у подножия утёса, где кричат лишь чайки, стоит Храм Угасшего Эха. Говорят, внутри нет ни звука, и свечи горят не

светом, а тьмою...»

— Берег Безмолвия, — Фанс ткнул пальцем в карту. — Южное побережье. Ровно там, где должен быть третий угол. Храм Угасшего Эха.

Они замерли в тишине, нарушаемой лишь тихим шипением серебряного изоляционного круга. Три точки. Обелиск в центре одного храма. Разрушенный храм на границе степей. И храм на южном побережье.

— Это не три отдельных артефакта, — тихо произнёс Фанс. — Это три части одной машины. Огромной, древней, тихой машины. И эта, — он указал на чёрный камень, — ключ, или топливо, или... сигнал бедствия.

— Но какая цель? — прошептал Элбин. — Что можно сделать с сетью, которая пожирает магию?

Сэр Октахад мрачно поскрипел.

— Можно сделать место, где магия бессильна. Где не работает ни одно заклинание, ни один оберег. Идеальное место для тюрьмы. Или... для убийства чего-то, что не может умереть иначе.

В кабинете стало очень холодно. Холоднее, чем от одного лишь обелиска.

Дождь к вечеру стих, оставив после себя тяжёлые, свинцовые тучи и насыщенный запах влажной земли и древесины. Морвен вошла в дом через заднюю дверь, оставляя за собой грязные следы. Она была мокрая до нитки, волосы слиплись, а на лице застыло выражение усталой решимости.

Она направилась прямо к большой печи на кухне, где ещё тлели угли от дневной стряпни Боррина. Прислонившись спиной к теплomu камню, она закрыла глаза, позволяя дрожи медленно покидать тело.

— Морвен? — тихий голос заставил её вздрогнуть.

Томлин стоял в дверном проёме, заламывая руки. В его глазах читалась та самая мучительная неловкость, которая преследовала его весь день.

— Ты... промокла. Я мог бы принести тебе сухое полотенце. Или... горячий чай.

— Спасибо, — ответила она, не открывая глаз. Голос её

был ровным, беззвучным, как поверхность глубокого колодца. — Я обойдусь. Печь справится.

— Слушай, насчёт сегодня... — он сделал шаг вперёд, но запнулся, видя, как она почти незаметно напрягается. — Мне кажется, ты... что-то не так. Если я что-то сделал...

— Ты ничего не сделал, Томлин, — она перебила его, наконец открыв глаза. Взгляд её был прямым и пустым. — Ты был самым собой. Добрым, гостеприимным, увлечённым. Всё как всегда. Ничего нового.

Это прозвучало как приговор. И как оправдание одновременно. Томлин почувствовал, как почва уходит из-под ног. Он готов был к упрёкам, к гневу, даже к слезам. Но не к этой ледяной, вежливой констатации фактов.

— Но... тебе от этого не легче, — пробормотал он. — Я же вижу.

— А должно быть легче? — она слегка склонила голову. — У тебя есть Бюро, клиенты, новый друг на кухне, интересная гостья... Всё идёт своим чередом. Какие могут быть проблемы?

Он хотел возразить, сказать, что единственная проблема — это её отдаление, что без её сарказма и её холодного, цеп-

кого ума всё это «своего чередом» теряло смысл. Но слова застряли в горле комом неуверенности. Может, она права? Может, он действительно так погряз в этой «новой нормальности», что перестал видеть самое важное?

Их тягостное молчание было спасено — или нарушено — тяжёлыми шагами на лестнице.

В кухню, как буря, ворвался Фанс. За ним, семеня, следовал бледный профессор Элбин, а сзади, с достоинством, несмотря на спешку, плыл сэр Октахад. Лицо мага было напряжено, в глазах горел тот самый холодный огонь, который предвещал не чаепитие, а военный совет.

— Прерву вашу... беседу, — бросил он, взглядом окидывая их обоих и мгновенно считывая атмосферу. — Собрать всех. Сейчас. Боррина, Ардема, этого ящера... и вашу воздушную принцессу, если она не улетела окончательно. Дело не терпит отлагательств.

Тон не допускал возражений. Морвен, будто даже с облегчением, оттолкнулась от печи. Томлин кивнул и бросился будить Ардема и искать Аэриэль. Через несколько минут кухня, ещё пахнувшая хлебом и дождём, превратилась в штаб.

Ардем, сонный и недовольный, улёгся у печи, прикрыв ящера хвостом. Боррин, вытирая руки об фартук, встал у стола, испытующе глядя на Фанса. Аэриэль материализовалась у самого потолка, её форма колыхалась, как полог из тумана. Морвен заняла позицию у окна, скрестив руки, — наблюдатель, а не участник.

Фанс положил на стол развёрнутую карту, утяжелив её углами чернильницы и чашкой.

— Кратко, — начал он, — то, что принёс профессор, — не просто артефакт. Это ключевой компонент древней системы. Системы подавления магии. Таких «храмов тишины», как мы выяснили, три. Один — в Угрюмых Холмах, где нашли обелиск. Второй — на границе орочьих степей. Третий — на южном побережье, у Берега Безмолвия.

— И что? — фыркнул Ардем. — Люди всегда что-то строили. Чаше — глупости.

— Эта «глупость», — парировал Фанс, — способна создать зону, где магия не работает. Вообще. Направленно и необратимо. Представьте площадь в несколько миль, где гаснут заклинания, рассыпаются обереги, а магические существа... — он бросил взгляд на Ардема, Аэриэль, на сэра Октада, — ...чувствуют себя так, как вы чувствовали сегодня утром. Только в тысячу раз хуже.

Тишина в кухне стала иной. Не неловкой, а гнетущей.

— Кто-то активирует эту сеть — и получит идеальную ловушку, — тихо сказала Морвен с своего места у окна. — Или оружие.

— Именно, — кивнул Фанс. — И наш обелиск — не просто артефакт. Он... маяк. Или детонатор. Профессор, ваше мнение.

Элбин вздрогнул, но заговорил твёрже, чем когда-либо:

— Судя по всему, он был изъят из системы. Его отсутствие... держит её в спящем режиме. Но его присутствие здесь, его... активность, если мы его разбудим, может послать сигнал. Может привлечь внимание тех, кто может знать о системе и захочет её использовать. Или... запустить процесс, местонахождение конечной цели которого мы не знаем.

— Значит, — подытожил Томлин, чувствуя, как привычный мир булочек и листовок рушится, — мы сидим рядом с самым опасным сувенире в мире, и за ним уже могут идти.

— Более чем, — мрачно произнёс Фанс. — Нам нужно опередить их. Найти оставшиеся два узла, понять принцип работы системы и... обезвредить её. Пока не стало поздно.

Поездка на южное побережье — не прихоть. Это необходимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.